

А. С. ХОМЯКОВ О ПОЗНАНИИ ПРАВА

Статья посвящена анализу взглядов А. С. Хомякова на процесс познания права как определенного нравственного идеала. Особое внимание уделяется роли воли в процессе познавательной деятельности человека, раскрывается один из существенных аспектов философии права исследователя.

Ключевые слова: философия права Хомякова, гносеология права, соборная сущность права.

A. S. KHOMYAKOV ABOUT COGNITION OF LAW

This article analyzes the special Homjakov's views at the process of cognition of law as an some moral ideal. Particular attention is paid to the role of faith in human cognitive activity, reveal one of the essential aspects of Homjakov's philosophy of law.

Key words: Khomyakov philosophy of law, legal ontology, cathedral essence of the right.

Категория «право» выступает основным объектом юридического мышления – познавательной деятельности индивида по осмыслению сущности права и правовой реальности (бытия права) с целью последующей практической реализации этих представлений в форме соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм.

Познание права тесно связано с диалектическим учением об истине и начинается с вопроса «что такое право?». Поиск ответа на данный вопрос начинается с оценки соотношения категорий «право» и «закон». В результате такого анализа сложились оригинальные подходы к пониманию права.

При исследовании проблем правовой гносеологии необходим комплексный анализ интеллектуального компонента правосознания [9], поскольку само право – многогранный феномен, требующий рассмотрения в рамках методологического плюрализма. Под комплексностью подразумевается существующая в реальной действительности неразрывная связь эпистемологического и практического аспектов правового мышления. Однако отечественная теория права как наука, по мнению А. И. Овчинникова, В. П. Казимирчука, В. Н. Кудрявцева, А. Х. Саидова, опираясь на «чистый» теоретический подход, недопустимо предопределяет процесс и результат мыслительной деятельности индивида с этапа познания категории «право» до оценки его как целостного явления.

Еще в XIX веке А. С. Хомяков сожалел о свойственном общественной мысли «разрыве между жизнью и знанием» [13, с. 76], опосре-

дованно затрагивая вопрос о необходимом единстве теоретического и социально-практического компонентов в познании. Осмысление сущности права должно иметь социально значимую цель – преобразование общественной действительности. Право как феномен должно рассматриваться сквозь призму интересов общества и особенностей национального сознания. Наибольшее внимание философ уделял вопросам крепостного права, личной свободы, права собственности, правосудия.

Поскольку существует «тесная связь типа правопонимания с правовой практикой» [8, с. 15], необходимо обратиться к этико-соборному типу правопонимания идеолога славянофильства и его взгляду на процесс познания права в целях поиска путей решения проблем правового нигилизма и дефицита правосознания, свойственных современному российскому обществу.

Какова роль самого правопонимания в процессе познания права? Предопределяет ли правопонимание весь ход познавательной деятельности индивида, или оно является безусловным результатом процесса познания? Ответы на эти вопросы позволят определить, с каким именно моментом времени А. С. Хомяков связывал появление понимания права в сознании субъекта.

Как отмечал В. Дильтей, «наше понимание есть не что иное, как перенос нашего собственного внутреннего опыта на безжизненную саму по себе внешнюю фактичность» [4, с. 419]. Аналогичный подход был высказан идеологом славянофильства: «Практическая жизнь есть только осуществление отвлеченных понятий

(более или менее сознанных)» [14, с. 289]. Так, оперирование такой категорией, как «справедливость», приводит к изменению социальной действительности, поскольку индивид совершает поступки исходя из субъективных представлений о справедливости, как и правовая реальность стоит в прямой зависимости от реализации индивидом представлений о праве.

Ключевая роль в формировании любого понятия, по мнению славянофила, принадлежит пониманию, которое «приемлет от предмета содержание, обращающее его в понятие» [14, с. 296]. По его мысли, понимание выступает одной из «сил» человеческого разума, представляет собой способность человека к рефлексии, а значит, данная категория им использовалась в значении «мышления».

А. С. Хомяков согласился с идеями И. Канта и Г. Гегеля о том, что понятие – это понимаемое в понимающем. Ему предшествует предмет, который объективно остается вне понимающего, но не может являться первой ступенью процесса познания. Поэтому направленность понимания на предмет – это деятельность разума особого рода: «...как понятие предполагает предшествующий ему предмет, так предмет предполагает предшествующее (логически) понимание, которое в своем допредметном значении является как *хотение понимания*» [14, с. 296]. Именно «желание» понимания, направленное на предмет, является отправной точкой всего мыслительного процесса. Тем самым философ указал на присущее человеческому сознанию свойство интенциональности, лежащее в основе мышления.

Интенциональность сознания, а значит, и понимания (мышления) ставилась А. С. Хомяковым в зависимость от воли. З. А. Каменский отмечал, что «волонтаристический мотив в собственно философской онтологической форме зазвучал в полной мере лишь в самых поздних произведениях Хомякова» [6, с. 208] и формировался независимо от мыслей А. Шопенгауэра. Волонтаризм славянофила, по мысли Н. А. Бердяева, «соединяется с логизмом, то есть с признанием разумной воли» [2, с. 110], а западноевропейский опыт признает волю иррациональной.

В основе волонтаристических идей А. С. Хомякова находилось суждение о воле как одной из сил человеческого разума. Он писал: «Мы остановимся только на одной силе духа или разума – воле. Отрицать ее как неотъемлемую принадлежность разума невозможно»

[18, с. 276]. Воля виделась ему как «всесила» ясного сознания разума, имеющая две формы выражения – произвол и свободу. Понятие «произвол» философ этимологически выводил из выражения «первая воля». В то же время «свобода в положительном проявлении силы есть воля» [18, с. 276]. По неизвестной причине в приведенном выражении философ переставил местами слова «свобода» и «воля». В данном контексте было бы верно утверждать, что «воля в положительном проявлении силы есть свобода».

На примере идей сторонников ликвидации общины в России славянофил показал положительный и отрицательный характер воли. Общину, созданную «нравственной свободой народа», предлагали уничтожить, что, по мнению А. С. Хомякова, стало бы жертвованием полным выражением воли (свободы) в пользу последующего личного произвола. Произвол есть «первое безусловное проявление» [14, с. 289] воли, нуждающееся в последующем освящении, признании его началом, разумным и нравственным. Соответственно, произвол и свобода выступают не только формами воли, но и ступенями ее развития.

А. С. Хомяков писал: «Она (воля. – Е. Щ.) в человеке неполна и несовершенна, как разум, и что частное (человек) только стремится воли, как оно стремится разуметь» [18, с. 278]. Если человек «стремится воли», а воля выступает неотъемлемой силой разума, то сознание индивида имеет первичный предмет познания – себя, поскольку оно направлено прежде всего на самоорганизацию, а затем уже на упорядочение действительности, понятий и явлений.

Воля, как и понимание (мышление), виделась славянофилу одной из «сил» человеческого разума. Кроме того, он указывал на то, что воля «занимает место, равное рассудку в определении всех наших понятий» [18, с. 277], имея в виду, что на первом этапе познания она приводит к получению интуитивного (живого) знания, которое на втором этапе рефлексировается рассудком. Таким образом, наравне с волей существует и действует вторая сила разума – рассудок. Обе рассматриваемые силы способны развиваться, но они неполны и несовершенны.

Объединяя суждения А. С. Хомякова о том, что воля совершенствуется опосредованно в зависимости от сознания нравственных начал, а также о том, что понятия «зарождение» и

«управление» волей, если они стали отражением внешнего явления, могут выделять при существе сознанию человека важное свойство – волевую интенциональность.

Как и любые явления действительности, воля и рассудок находятся в диалектическом единстве. Воля задает вектор познавательного процесса, а рассудок наполняет сознание индивида логико-понятийным содержанием. Сама по себе воля, как отмечалось ранее, не способна воздействовать на предметы внешнего мира, поэтому ее влияние на них опосредованно, то есть рассудок выбирает направленность познавательной деятельности не самостоятельно, а при помощи волевого стремления человека – желания «волить». А. С. Хомяков пояснял: «Предел работы определяется предшествующим сознанием. Художественная воля задумывает» [19, с. 249].

С рождения человек в процессе удовлетворения тяги к познанию задает множество вопросов, пытается понять, имеет ли трава право быть зеленой или солнце подниматься с востока, то есть то, что является, по мысли А. С. Хомякова, «закономерностью истинною», а не формальной. Взрослый человек, задумываясь о смысле жизни, произвольно отвечает на смежные вопросы: имею ли я право жить? благородны ли все предшествующие поступки? ценны ли имеющиеся достижения? Тем самым индивид дает нравственную оценку своей жизни, прочувствует ее как право. Таким образом, процесс выявления объективных и субъективных закономерностей, или правового упорядочения, можно заметить в любой сфере практической жизни, в каждом вопросе, который человек способен задать.

А. С. Хомяков уверен, что «обобщение делает человека хозяином его познаний» [16, с. 360], а понимание (мышление) способно к качественным изменениям: «цель воспитания умственного есть именно развитие и укрепление понимания; а эта цель достигается только посредством постоянного сравнения предметов, представляемых целым миром науки, и понятий» [16, с. 360]. Тем самым фундаментальными методами познавательной деятельности должны считаться, по его мнению, сравнение и обобщение.

При познании права наряду с методом сравнения категорий «право» и «закон», целесообразно сопоставлять понятия «право» и «неправо». «Неправо» является отрицанием истинной правовой сущности: «неправо есть преступле-

ние, в котором не уважается ни право в себе, ни право, каким оно нам кажется. В неправе нарушаются и объективная, и субъективная стороны отношения личности и государства, личности и общества» [1, с. 168]. Отметим очевидное тождество подхода к пониманию «неправа» автора цитируемого текста с представлениями Г. Гегеля, изложенными в «Философии права». «Неправо» (неправда, преступление) в представлении классика немецкой философии создает лишь видимость права, некую объективную реальность, то есть явление, оторванное от истинной сущности предмета: «В качестве особенной воли, для себя от всеобщей воли отличной, она выступает в произволе и случайности усмотрения и воления, противного тому, что есть в себе право; это – неправо» [3, с. 136].

В философско-правовой концепции А. С. Хомякова отсутствовало понятие «неправо». Вместо него славянофил использовал синонимичную категорию «неправда». Порицая историю Рима, он писал: «Римлянин поклонялся идее правды, не той внутренней правды, которая бьет живым ключом в душе, освещающая и возвышающая ее, а *правды внешней*, которая довольствуется освящением и охранением условных и случайных отношений между людьми» [19, с. 203].

Если сторонники нормативистского подхода относили «неправо» как явление к сфере формально-юридического действия, то есть к тому, что не соответствовало правовым нормам, а Г. Гегель – к сфере действий, противоречащих воле человека, то в понимании А. С. Хомякова «неправда» охватывала несогласие любого явления с «внутренней правдой», нравственным идеалом. Соответственно, каждое деяние индивида может быть правовым, если отвечает принципу «внутренней правды». При этом возникает вопрос о том, считается ли правовым явлением совершаемое человеком преступление, если он расценивает его как свое моральное право?

В. В. Зеньковский обратил внимание на выстроенные А. С. Хомяковым этапы человеческого познания, которое «начинается в вере, продолжается в работе рассудка и находит свое завершение во “всеполом разуме”» [5, с. 195]. Тем самым познание права, в отличие от других объектов, прежде всего материальных, может быть достигнуто лишь в результате соборного (коллективного) осмысления. Славянофил писал: «Недоступная для отдельного мышления,

истина доступна только совокупности мышлений, связанных любовью» [18, с. 283]. В любви он видел «синтез свободы и необходимости» [12, с. 284]. Именно на этом взаимном чувстве членов основывалось соборное общество. Таким образом, бытие права напрямую зависит от выработанных социумом нравственных идеалов, и «внутренняя правда» становится для А. С. Хомякова альтернативой естественного права, которое «сближается с моралью в попытке уяснить и оценить действие каждого в свете всеобщей цели» [20, р. 231].

Совершенное из благих побуждений преступление не отвечает критериям правового явления, несмотря на то, что субъект данного деяния сознавал бы его как свое моральное право. Оно будет расцениваться как проявление личного произвола, противоречащего идее «внутренней правды». Однако чувство любви, на котором основано соборное общество, способно проявить добродетель – милосердие при отправлении правосудия. Гуманизация общественной жизни – общечеловеческий нравственный ориентир.

Осмысление сущности права обуславливает правовую реальность, несмотря на то, что она, очевидно, предшествует понятию во времени, а значит, временной причинно-следственный порядок не играет существенной роли в указанной детерминации, поскольку «время, представляющее в области явлений внешних последовательность причинности до такой степени, что она может служить ему определением... не имеет такого значения в отношении к внутренней деятельности человека» [14, с. 298]. Любое явление действительности, произошедшее «до» формирования понятия о нем, претерпевает качественное изменение «после». Реальность, существующая «после» формирования понятия права, именуется правовой реальностью. Порождение правовой реальности и формирование понятия о праве определяют индивидуальным сознанием.

Первостепенную роль в работе человеческого сознания играет воля. По мысли А. С. Хомякова, «волящий разум» направляет индивида по пути «удовлетворения внутреннего требования правды» [15, с. 330]. В этом заключается свойство правовой интенции сознания. Человек стремится понять объективную действительность (закономерности) при помощи разума сквозь призму веры. Процесс познания начинается с веры, которая «является фундаментом мироощущения и миропонимания человека,

обеспечивающим гармонизацию всех способностей человека» [11]. Вера выступает в качестве силы (способности разума), воспринимающей реальную действительность для передачи данных «на разбор и сознание рассудка». Как говорилось ранее, Н. О. Лосский усматривал под употребляемой славянофилом категорией «вера» интуицию, способность непосредственно понимать реальность.

Интуиция играет ключевую роль, поскольку архетипичность «правды», о которой писал А. С. Хомяков, заключается в том, что она представляет собой некий трансцендентный идеал, недоступный опытному познанию, но открывающийся «совокупности мышлений, связанных любовью». Правда выступает в качестве абсолютной истины, достигаемой при соблюдении ряда условий. Начальным условием при этом должна быть готовность человека принять христианские истины, то есть в полной мере реализовать присущую каждому индивиду правовую интенцию сознания.

Что б готовились народы

Зову истины внимать;

Чтобы глас ее пророка

Мог проникнуть в дух людей...

(Из стихотворения А. Хомякова «Помнишь, по стезе нагорной»)

Так, А. С. Хомяков подверг критике развитие немецкой философской мысли в направлении абсолютизации аналитических способностей разума, которая «имея дело только с понятиями, никогда не может найти в себе критерий ума для определения внутреннего и внешнего, ибо имеет дело только с тем, что уже воспринято и, следовательно, сделалось внутренним» [17, с. 327]. Подобную критическую мысль высказывал и И. В. Киреевский, отмечая «отвлеченный разум, отделенный от других познавательных сил» [7, с. 224].

В отличие от «односторонней рассудочности», славянофилы полагали возможным и необходимым соединением сил (способностей) человеческого разума в единый познавательный механизм, что обуславливает его цельность.

Важное когнитивное значение А. С. Хомяков уделял человеческим ощущениям при формировании понятия о том или ином объекте: «Ощущение уже принадлежит человеку как одна из форм познания, и без познания оно немислимо» [14, с. 311], а «внешнее вмещается в него только, во сколько оно принято в веде-

ние мысли (ибо самое ощущение есть только сознание впечатления)» [18, с. 277]. Если переводить его мысли в область философско-правовой теории, то любое явление социальной действительности приобретает характер права в сознании человека посредством ощущений.

Взгляд А. С. Хомякова на процесс осознания человеком права сходен с идеями представителей психологической школы, считавших внутренние переживания индивида правоопределяющими. Каркас их философско-правовой системы составляют суждения о должном как основе правосознания. Идеолог отечественной психологической теории Л. И. Петражицкий указывал, что индивид, руководясь собственной волей и ощущениями, чувствует и сознает обязанность совершить тот или иной поступок или воздержаться от этого. «Чувство связанности воли, сознание необходимости подчинения ее известному авторитетному импульсу (авторитетному побуждению к такому или иному поведению) мы выражаем словами: обязанность, долг, обязательство, долженствование, а те убеждения, которые порождают такие или иные обязанности, то есть авторитетно регулируют наше поведение (авторитетно-импульсивные убеждения), мы называем нормами, императивами» [10, с. 1104], — писал Л. И. Петражицкий. Перед тем, как предоставить нуждающемуся денежную сумму в долг, человек переживает будущее действие в качестве своего права. Также обстоит дело и с осознанием обязанности уплатить денежную сумму за любую оказанную услугу.

В цитате Л. И. Петражицкого особого внимания заслуживает фраза: «известный авторитетный импульс». Для того чтобы подобному «импульсу», или, по мысли А. С. Хомякова, «ощущению», стать «известным», ему должно предшествовать некое знание — нравственный императив. На эту же идею указывает и славянофил: «Мы не ощущаем того, чего не знаем» [14, с. 310].

Литература

1. Баскаков А. Т. Абстрактное право и неправо: социокультурные контексты идентификации // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4.
2. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев // Собрание сочинений. Париж, 1997. Т. V.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. Ч. 1.

Исходя из представлений А. С. Хомякова к таким предшествующим праву понятиям относятся «справедливость», «честь», «братская любовь». Они же выступают в качестве аксиологической основы при оценке индивидуальным сознанием сущности права и конкретных явлений правовой реальности.

Из сказанного о соотношении понятия, понимания (мышления) и реальности, а также о руководящей роли воли в познании можно заключить, что, по мысли А. С. Хомякова, осмысление сущности права (формирование понятия о праве) является достижением познавательной деятельности индивидуального сознания, произвольно направляемого волей на понимание реальной действительности (объективных закономерностей), которой разум придает правовой (разрешительный, согласительный) характер.

Априорно существующая идея правды выступает условием понимания человеком права. Процесс осмысления идеи правды начинается в области индивидуального сознания посредством воли и ощущений (как направляющей и предрефлексирующей «силы разума»), а завершается коллективным рациональным осмыслением индивидуально понятого. Соответственно, в основе понимания идеи правды, полагает А. С. Хомяков, лежит метод априорно-сборного синтеза, заключающийся в соединении субъективно-трансцендентного и коллективно-опытного аспектов познания сущности права. Таким образом, право («человеческая правда») есть критерий оценки индивидуальным сознанием всех явлений социальной реальности, проверки их на соответствие выработанным общественным сознанием представлениям об идеалах нравственности. При этом внутренняя оценка (осмысление) конкретных правовых явлений на соответствие сущности права производится субъектом посредством метода психологического самоанализа.

Bibliography

1. Baskakov A. T. Abstract right and wrong: identification of socio cultural context // Bulletin of Bashkir university. 2008. Vol. 13. № 4.
2. Berdyayev N. A. Aleksey S. Khomyakov. Philosophy of Dostoevsky. Konstantin Leontiev // Collected works. Paris, 1997. Vol. 5.
3. Hegel G. W. F. Philosophy of law. Moscow, 1990. Part 1.
4. Dilthey V. Introduction to the human sciences // Collected works: in 6 vols. Moscow, 2000. Vol. 1.

4. Дильтей В. Введение в науки о духе // Собрание сочинений: в 6 т. М., 2000. Т. 1.
5. Зеньковский В. В. Возврат к церковному мировоззрению // История русской философии. М., 2001. Ч. II.
6. Каменский З. А. Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков. СПб., 2003.
7. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Полное собрание сочинения: в 2 т. М., 1911. Т. 1.
8. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.
9. Овчинников А. И. Эпистемология правового мышления // Философия права. 2003. № 2.
10. Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010.
11. Славин А. В. Проблема метода исторического познания в историософии А. С. Хомякова // Историософское и литературное наследие А. С. Хомякова и современная Россия: материалы Межд. конф. Смоленск, 2001.
12. Флоренский П. А. Около Хомякова (критические заметки) // Соч.: в 4 т. М., 1996.
13. Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
14. Хомяков А. С. О современных явлениях в области философии // Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
15. Хомяков А. С. О юридических вопросах // Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 3.
16. Хомяков А. С. Об общественном воспитании в России // Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
17. Хомяков А. С. Письмо о философии к Ю. Ф. Самарину // Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
18. Хомяков А. С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского // Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
19. Хомяков А. С. По поводу статьи Киреевского // Собр. соч.: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
20. Thompson M. Philosophy of religion. L., 2007.
5. Zenkovsky V. V. Return to the church outlook // History of Russian philosophy. Moscow, 2001. Part II.
6. Kamensky Z. A. Philosophy of the Slavophiles. Ivan Kireyevsky and Alexei Khomyakov. St. Petersburg, 2003.
7. Kireevsky I. V. On the necessity and the possibility of new beginnings for philosophy // Collected works: in 2 vols. Moscow, 1911. Vol. 1.
8. Lapaeva V. V. Types of law: legal theory and practice. Moscow, 2012.
9. Ovchinnikov A. I. Epistemology of legal thinking // Philosophy of law. 2003. № 2.
10. Petrazhitsky L. I. Theory and politics of law. Selected works. St. Petersburg, 2010.
11. Slavin A. V. Problem of the method of historical knowledge in the philosophy of history A. S. Khomyakov // Historiosophical and literary heritage A. S. Khomyakov and modern Russia (proceedings of the International conference). Smolensk, 2001.
12. Florensky P. A. Around Khomyakov (critical notes) // Collected works: in 4 vols. Moscow, 1996.
13. Khomyakov A. S. On the possibility of Russian art school // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 1.
14. Khomyakov A. S. On the contemporary phenomena in the field of philosophy // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 1.
15. Khomyakov A. S. About legal issues // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 3.
16. Khomyakov A. S. On public education in Russia // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 1.
17. Khomyakov A. S. Letter of philosophy to Yu. F. Samarin // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 1.
18. Khomyakov A. S. Regarding the passages found in the papers of I. V. Kireevsky // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 1.
19. Khomyakov A. S. Concerning the article Kireevsky // Collected works: in 8 vols. Moscow, 1900. Vol. 1.
20. Thompson M. Philosophy of religion. London, 2007.